

Неповторимый язык Виктюка навсегда останется в истории театра.

Фото Михаила Гутермана

Роковые яйца

Роман Виктюк: жизнь после смерти

Антон Красовский

В прошлое воскресенье исполнилось 65 лет Роману Григорьевичу Виктюку, магистру сверхъестественной любви, затеянику и режиссеру. По этому случаю президент Путин прислал юбиляру трогательную телеграмму. В ней были такие слова: «Вы удивляете зрителей смелыми новациями, неожиданными трактовками образов, ставите перед ними сложные нравственные проблемы. Вам удастся одинаково успешно работать со звездами нашего театра и кино и с молодыми актерами, открывать новые, неожиданные грани их таланта».

День спустя перед зрителем встала очередная сложная нравственная проблема. Очень сложная. С одной стороны – у человека праздник, юбилей, хорошее настроение. Новый спектакль поставил – «Мастера и Маргариту». Повсюду цветы и конфеты – так и хочется присоединиться к этой феерической композиции. Так и тянет, умилно прильнув к щеке маэстро, на минуту ощутить жаркое прикосновение вечности, ее порывистое шаловливое дыхание. Но, очнувшись от минутного забытья, понимаешь, что

амикошонствовать не стоит, поскольку поутру вспомнится вечернее, и вновь придется хныкать о конце режиссера, об утрате его неповторимой пластики, его рьяного сценического языка. И в этом «но» – другая, темная сторона.

До Москвы Виктюк ставил «Мастера и Маргариту» в провинции. Много лет назад – в Вильнюсе и Таллине, совсем недавно – в Нижнем, объединив труппы двух городских театров. Нынешняя – четвертая версия, по словам самого Романа Григорьевича, разительно отличается от предыдущих. Чем же? Может, излишней разнузданностью или мужеложским контекстом? Криками, соплями, спермой? Признаться честно, были надежды. Были. Но, увы не оправдались. Театр Виктюка со всеми его мускулистыми мальчуганами, бритыми подмышками и татуированными розами на пупках – этот искристый гей-Бродвей нашей молодости – юркнул куда-то в замочную скважину, оставив за собой лишь спутанный след воспоминаний и металлическую пирамиду из спектакля «Лолита». А ведь мы ждали именно его! Надеялись, что Воланд будет влюблен в Мастера, а Маргариту будет играть какой-нибудь

Добрынин. И когда наши ожидания не оправдались – расстроились и принялись упрекать Романа Григорьевича в потере индивидуальности. И знаете что? Виктюк сам виноват. Он сам совершил роковую ошибку, когда превратил театр в труппу бродячих трансвеститов.

Сегодня на сцене по-прежнему дородные красавцы: бицепсы, шеи, животы. Они быстро бегают, высоко прыгают, смело лазают, далеко глядят. Каждый из них с шармом служил бы в VIP-эскорте «Юноши. Трансы» или шоу-балете «Красная шапочка». Не исключено, что там и служат – примерно и ласково. Ну и отчего же было вновь не сверкнуть этими «неожиданными гранями их таланта», как в «Служанках» или «Саломее»? Надоело, что ли? Вылечились? Решили и о боге подумать? Черта с два – нет тут никакого бога. Вместо него на кушетке глазастый мальчик, с неуверенной дикцией и густыми волосами. Он не бог и не сын, а какой-то дух, салага, хлипкий шарлатанишко. «Сейчас у тебя перестанет болеть голова», – гундит он, а ты думаешь: «Ага, и лианино пропадет, и бумажник, и ручки от шкафа».

Виктюк – этот крапешный безбожник – сознательно отказался

от каких бы то ни было воспоминаний о Сущем, подменив его дьявольской пляской. Скалящийся, ревущий Вельзевул-Бозин решает тут судьбу Маргариты и Мастера. Этот вечно молодой гладенький дьявол дарует героям покой, вальсы Шуберта и сказочный рассвет.

Бога – нет! Секса – нет! Булгакова – и след простыл. Повсюду раскиданы бюсты вождей пролетариата, из усилителей кричат делегаты. Кумач, советские песни. Сидишь (вернее, стоишь – сесть негде) и ужасаешься: на сцене самодетельный коллектив начала перестройки со странной режиссерской концепцией. Тьма борется со страхом, бес – с государством. Причем эта битва происходит в воображении Иванушки Бездомного, страдающего на больничной койке. Такой либерализм по-русски: из двух зол выбираем большее, забыв, что, во-первых, есть меньшее. А во-вторых, что где-то в уголке неба остались осколки добра, которое и есть Истина.

И какой бы безжалостной и страшной она ни казалась, именно в ней – в Истине – та жадная милосердная любовь, которая так нужна всякому смертному. Тем более Мастеру в 65.